

протоиерей Андрей Ткачев

Приготовление к смерти

О ней, казалось бы, и думать-то не хочется, а тут — готовиться. Если сравнить ее с выпускным экзаменом, то вся жизнь — это долгий учебный процесс, стремящийся к ней, и никуда более. Кто хорошо учился весь год, тот экзаменов не боится. Напротив, лодыри и прогульщики пытаются учиться в последние три дня, да и то лишь в процессе изготовления шпаргалок. Со смертью этот номер не проходит. Вернее, проходит, но в виде крайнего исключения. Есть примеры глубокого и спасительного предсмертного покаяния, самый яркий из которых — благоразумный разбойник, висевший на кресте справа от Господа Иисуса. Надеяться на повторение подобного чуда в своей жизни — дерзость. Такие чудеса не планируются. Каяться нужно сегодня. Сегодня нужно и о смерти думать.

Верующий человек думает о ней не как об исчезновении, а как о радикальном изменении способа бытия. Если смерть ассоциируется с исчезновением, то придется согласиться с мыслями некоторых греков, говоривших, что пока мы есть, смерти нет, а когда смерть есть, нас уже нет. Это — довольно изящное словесное коленце, откинутое на манер софистов. Но оно не греет и в глубине своей содержит ложь. Мы близко знакомы со смертью на всем протяжении временной жизни.

Наш праотец услышал от Бога, что «смертью умрет», если съест от запрещенного дерева. Он съел и тотчас умер. Физически он умер спустя девятьсот шестьдесят лет, но вкус смерти ощутил тут же. У него открылись очи, и он узнал свою наготу, а вместе с нею и стыд. Он потерял благодать, испугался Бога, ощутил жуткую пустоту внутри. Он пережил еще множество болезненных состояний, которые перешли в потомство и там многократно умножились. Вся история человечества с тех пор — это совокупный опыт умирания, опыт сопротивления смерти, опыт проигрыша в борьбе с ней. В этой борьбе человека согревало ожидание того, что Бог со временем вмешается в историю и победит смерть и грех. И даже когда надежда на это выветрилась из большинства душ, когда первоевангелие было забыто, людей все равно продолжало согревать ощущение личного бессмертия.

Везде, где есть человек, есть погребальный обряд. И везде, где есть погребальный обряд, центральной мыслью в нем является мысль о продолжении жизни за гробом. Иногда есть и вторая мысль, более важная, а именно — мысль о будущем воскресении. Она могла выражаться очень просто. Например, через укладывание усопшего в позу младенца, в то свернутое состояние, в котором мы проводим внутриутробный период и в котором некоторые любят спать. Это положение тела, сообщенное покойнику, проводит параллель между материнским лоном, из которого родился человек, и землей, этой общей для всех утробой, из которой предстоит воскреснуть.

Кроме этой предельной простоты, вера в загробную жизнь может обрастать массой обрядов, положим, египетских, с мумификацией, сложно разработанными ритуалами, жертвами и проч. Мы не найдем ни одного народа, который не знал бы погребального ритуала и не верил в продолжение жизни за гробом. Этому вопросу посвящено огромное количество литературы, но нам сейчас важно уяснить лишь одну мысль. А именно: в общечеловеческом опыте *смерть есть не что иное, как изменение способа существования, а не его прекращение вообще.*

* * *

На смерть очень похоже рождение. Более радикальная перемена способа существования, чем у человека, видна лишь на примере превращения гусеницы в бабочку. Вызывающе неэстетичная, медленно ползающая, никого, кроме голодных птиц, не интересующая, гусеница совершенно чудесным образом превращается в порхающее, легкое, раскрашенное всеми райскими красками существо. А что же человек?

Человек в утробе расположен вниз головой. Он не дышит легкими. Не питается через рот. Все необходимое из организма матери человек получает через пуповину. Кроме того, человек полностью погружен в воду. Он ни в чем не похож на «того» себя, каким ему предстоит стать через некоторое время: устремленным вверх, видящим солнце, самостоятельно двигающимся. Лишь нежелание всматриваться в это «обыкновенное чудо» делает его привычным в наших глазах. Но коль скоро задумаешься, тут же и согласишься с тем, что между понятиями «родиться» и «умереть» гораздо больше общего, чем нам кажется.

* * *

День смерти христиане древности считали днем рождения в вечность. Это был переход от худшей жизни к лучшей, и для того, чтобы так думать и чувствовать, нужно иметь очень живой опыт святости. Главный враг бесстрашной смерти — грех. Грех отлучает человека от Бога и покоряет имеющему державу смерти, то есть диаволу (см.: Евр 2,14). Если же приход в веру ознаменовывается радостным внутренним переживанием прощения грехов и вступлением в празднование вечной Пасхи, то исчезает и смертный страх, вытесняемый надеждой на Бога, любовью к Нему и мужеством.

* * *

Коснувшись рождения, нельзя обойти вниманием Таинство крещения. Оно есть истинное рождение в вечную жизнь, единственное Таинство, упомянутое в Символе веры. Вошедшее в привычку поспешное, невнимательное, лишенное должного трепета совершение этого Таинства сильно обеднило нашу духовную жизнь. Эпоха великомучеников, первые три столетия христианской истории были временами, когда христиане долго готовились к принятию крещения и крестились взрослыми. Они посещали литургию, слушали Писание и уходили на слова «Оглашенные, изыдите». Епископы и пресвитеры вели с ними беседы. Они учились молиться. Напряженное и неспешное приготовление к Таинству рождало после совершения самого Таинства глубокий внутренний опыт. Это был именно живой опыт рождения заново, опыт приобщения к воскресшему Христу, опыт вхождения в жизнь будущего века. Этим отчасти объясняется мужественная борьба с грехом и удивительное долготерпение в страданиях, которыми славилась Церковь тех далеких веков.

* * *

Но что делать нам, тем, кто крещен в детстве, нуждается в покаянных слезах и кроме них лишен всякой иной влаги, очищающей душу? Нам нужно переродиться через покаяние. Слезы упомянуты не случайно. Начало земной жизни младенца, по отделении его от материнского организма, ознаменовано плачевным криком. Точно так же кричит и плачет душа, перерождаясь, так же с криком и слезами, утомленная суетой, она срывает с себя прилипшие греховные покровы. Мы так хотим провести жизнь в смехе, так влюблены в веселье, любое, по всякому поводу, что громом должны звучать для нас слова из молитвы Златоуста: «Дай мне, Господи, слезы, память смертную и умиление». Будем просить на молитве у Бога слез и памяти смертной и мы, чтобы в неизвестный и трепетный день обрести для себя Бога милостивым.

Ворота и путь, ведущие в вечную жизнь, узки. В них нельзя свободно войти, но можно только

протиснуться. Это тоже образ, очень похожий на рождение. Ребенок, рождаясь, что иное делает, как не протискивается, не усиливается с болью и мукой пополам выйти наружу и обрести свободу?

Покаяние — это и есть умирание, умирание для греха и оживание для Бога. *Так и вы почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога во Христе Иисусе, Господе нашем* (Рим 6,11). Это однажды в жизни совершается через крещение и затем всю жизнь продолжается через исполнение заповедей и борьбу со страстями.

* * *

Отец Павел Флоренский много размышлял над первичным, глубинным смыслом слов. Так, слово «искусство» связано с понятием искушения или испытания. Кто много раз «испытан» в каком-либо деле, тот уже «искушен», у того практический навык может быть назван словом «искусство». Искусство есть мастерское умение, и оно требует опыта, частого повторения. Умираем же мы лишь один раз; мы лишены опыта частых умираний, а значит обречены на «неумелую» смерть. Наша смерть обязана быть неуклюжей так же, как комом обязан выйти первый блин. Во всех этих размышлениях есть истинная прозорливость. Как-то сама собой напрашивается следующая мысль: нужно научиться умирать, нужно изобрести способ правильно подготовиться к важнейшему событию в своем земном странствии.

Старец Силуан Афонский писал в своем знаменитом дневнике, что истинная христианская жизнь — это опыт умирания для греха и приготовления к вечности. Интересно, что Платон приблизительно в тех же терминах высказывался о целях истинной философии. «Она учит умирать», — говорил Платон, имея в виду тот разрыв с мирскими связями и умирание для суеты, которые свойственны истинной философии.

* * *

То, что предчувствовали мудрецы древности, в жизнь и в конкретное дело превратили христианские святые. Именно умирать уходили монахи, когда оставляли города и поселялись в лесных дебрях или сухих пустынях. Их жизнь, лишенная всякого понятного и мирского удовольствия, и представляется не чем иным, как смертью для мирского человека. Обычный человек согласится скорее умереть той самой одной и настоящей смертью, чем жить по-монашески и мучиться. А ведь эта странная жизнь, монашество то есть, и есть добровольная смерть прежде наступления той, неизвестной и неизбежной.

* * *

Ко многим событиям повседневной жизни отцы советовали относиться так, как если бы человек уже умер. Например, как мертвый нужно учиться реагировать на похвалу и ругань.

И грехи свои нужно учиться оплакивать так, словно в доме у тебя — покойник.

Ко всяким слухам и сплетням, ко всей информационной мишуре тоже было бы неплохо относиться с вниманием погребенного мертвеца.

Высоко все это. Столь высоко, что кажется недостижимым. Знаю. Согласен. Но само чтение повестей и изречений из жизни великих отцов пустыни каким-то тайным образом лечит душу и прививает ей небесные мысли. Не уходя в монастырь, не переставая жить в многоэтажке и посещать супермаркет, мы все же имеем одинаковую со всеми христианами древности задачу: исполнить заповеди. Исполнение заповедей должно умертвить грех и оживить дух. *Если Христос в вас, то тело мертво для греха, а дух жив для праведности,* — говорит святой апостол Павел. И еще говорит: *да не царствует грех в смертном вашем теле* (Рим 8, ю; 6,12). Подобных слов, построенных на антитезе смерти и жизни, смерти для греха и жизни для Господа, у Павла много.

* * *

О смерти можно думать с улыбкой, пока холодное дыхание ее не шевельнуло волосы на твоих висках. Говорят, Джон Леннон в молодости спал в гробу. Конечно, не потому, что подражал Серафиму Саровскому, а потому, что глупый был. В эти годы он с прочими «битлами» говорил, что они по популярности превзойдут Господа Иисуса Христа (!?). Зато в последние годы жизни он панически боялся смерти, избегал разговоров о ней и спал при включенном электричестве. Это — поучительная и горькая правда. И тот старик из басни, что устал тащить дрова, который вспомнил, что вся его жизнь прошла в голоде и труде, взмолился, чтоб смерть пришла. Но как только она пришла на его зов, он не растерялся и сказал: «Помоги мне донести дрова до дома».

Мы не хотим раньше времени шутить над смертью. Мы не должны смеяться над ней, покада в нас живы грехи и страсти. Но мы должны думать о ее неоткупном и неизбежном появлении и молиться о даровании «христианской кончины, безболезненной, непостыдной, мирной». Это прошение произносится и на вечерне, и на утрени, и на литургии.

* * *

Христос плакал над гробом Лазаря. Это были слезы содрогания безгрешного Человека при виде той беды и того позора, в какие смерть ввергла детей Адама. Опыт Лазаря остался для нас невысказанным, поскольку соответствующих слов просто-напросто нет в словаре человеческом, чтобы описать как Лазарево пребывание в аду, так и Павлово пребывание в раю (см.: 2 Кор 12,4). Но сами слезы Богочеловека должны быть поучительнее любых слов.

Плакать над гробом не стыдно. Плакать и растворять скорбь молитвой и раздачей милостыни. Кто-то из отцов пустыни сказал, что если мы услышим о приближении смерти к одному из братьев, мы должны поспешить к нему. Во-первых, чтобы молитвой укрепить уходящего человека в минуты или часы последней борьбы. А во-вторых, чтобы ощутить сердцем эту великую тайну — разлучение души с телом. Сердце почувствует больше, нежели увидят глаза и услышат уши. Человек взбодрится, ощутит страх Божий, отряхнет от себя уныние и маловерие. Потому что *возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его* (Еккл 12,7).

* * *

Те времена, когда смерть была далека и не представляла собой ежедневного зрелища, были временами неслыханного разврата. Это было перед потопом, когда было велико развращение человеков на земле, и... все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время (Быт 6, 5). Наши же времена, времена безмерно умножившейся немощи человеческой, то и дело сжимают сердце мелодиями и стихами зауспокойного богослужения. Его стоило бы выучить наизусть, причем всякому. Это — учение Церкви, выраженное средствами высокой поэзии. Самогласные стихиры Иоанна Дамаскина, тропари на «благословен еси, Господи», да, в общем, вся зауспокойная служба — это научающее вере и врачующее душу «надгробное рыдание». Этими молитвами можно, буквально, жить. «Классическая» православная бабушка, кроме «Отче наш», «Богородицы» и «Верую» знающая панихиду наизусть, — это обладатель самых важных религиозных знаний.

* * *

Важная деталь: в зауспокойных богослужениях есть частые обращения к мученикам. Кровь страдальцев за имя Христово — это царская багряница Церкви. Христос пролил кровь за род человеческий. Мученики пролили кровь за Христа. В этом взаимном пролитии крови Господь и мученики вошли в таинственное и неразлучное единение. Нередко люди, решившиеся на любые страдания за Христа, видели Его. Он являлся им, укрепляя и ободряя. Поэтому слово «мученик» по-гречески звучит как «мартирос» и означает не только страдальца, но и свидетеля. Мученик не

просто верит. Он уже видит. Его внутреннему взору приоткрыта реальность иной, будущей жизни, и мученик возвещает нам о вечности и духовной реальности больше любого богослова. Значит, почитание Христовых страдальцев способно ободрить нашу испуганную и уставшую душу. Прежде чем мы приступим к горе Сиону и ко граду Бога Живаго, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов; к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства (Евр 12,22-23), нам предстоит часто призывать в молитве имена этих праведников, достигших совершенства.

* * *

Но самое главное, конечно, это Великий пост и Пасха. Радость пасхальной ночи — это именно радость победы над «последним врагом», как написано: *Последний же враг истребится — смерть* (1 Кор 15,26). Текст Пасхального канона буквально переполнен выражениями радости о победе над смертью. «Смерти празднуем умершвление, адово разрушение, иного жития вечного начало, и играюще поем Виновного».

«Безмерное Твое благоутробие адовыми узами содер- жимши зряце, к свету идяку, Христе, веселыми ногами, Пасху хваляще вечную».

«Вчера распинахся Тебе, Христе, совосстаю днесь, воскресшу Тебе. Сраспинахся Тебе вчера, Сам мя прослави, Спасе, во Царствии Твоем».

Смысл последнего тропаря важен особенно. Он говорит о том, что для того, чтобы наше естество ощутило победу Христа над смертью, необходимо, чтобы мы приняли участие и в Христовых страданиях. Терпеливое, длительное и честное перед лицом Бога самоумерщвление в течение поста на Пасху увенчается обновлением и радостным очищением. Благодатный опыт переживания Пасхи Христовой — вот что более всего нужно нам, стремящимся к жизни будущего века.

Многие строчки псалмов, известные по букве, открывают в эти дни свой тайный смысл. «Обновится, яко орля, юность твоя», «Возрадуется язык мой правде Твоей», «Все кости мои рекут: Господи, Господи, кто подобен Тебе?», «Возрадуются кости смиренные» и прочее. Воистину, язык радуется, говоря «Христос воскрес!» И каждая косточка знает, что раз Христос воскрес, то будет день, когда зазвучит слово: *кости сухие! слушайте слово Господне!.. Вот, Я введу дух в вас, и оживете* (Иез 37,4-5).

Слово огласительное Иоанна Златоуста тоже упоминает об изменившемся отношении к смерти. Святитель призывает не рыдать об убожестве, ибо «явилось общее Царство», не унывать о грехах, ибо «прощение воссияло из гроба»; и не бояться смерти — «освободила бо нас Спасова смерть».

Итак, в Пасхе мы имеем врачевство от всех недугов. И если, как пишет митрополит Иерофей (Влахос), мы продолжаем рыдать, унывать и страшиться, то это значит, что свет Христова Воскресения еще не осветил всех уголков нашей души.

При этом одной Пасхи в год не хватит, чтобы жить ее светом до следующего года. Лампаду веры задует ветер, или в ней закончится масло. Чтобы Пасха стала смыслообразующим центром христианской жизни, Церковь празднует ее еженедельно, пятьдесят два раза в году. Каждое воскресенье — малая Пасха. Об этом говорит чтение соответствующих текстов Евангелия на утрени, воскресная песнь после Евангелия и все богатство Октоиха. Собираться на воскресную службу нам следует именно как на праздник победы над смертью, с любовью и благодарностью к Победителю Иисусу, невидимо дариносимому ангельскими чинами в Таинстве евхаристии.

* * *

Смерть очевидно разрушает все и побеждает всех. Среди побежденных ею числятся сила, мудрость, красота, таланты, успехи, знания. Говоря по совести, жить можно, или не думая о смерти,

или имея от нее лекарство. Такое лекарство есть. Святой мученик Игнатий, прозванный Богоносцем, шел под конвоем в Рим, чтобы там принять смерть за Христа от зубов диких зверей на цирковой арене. По дороге он встречался с представителями Церкви, писал письма общинам. В одном из таких писем он говорит о Таинстве причащения, об Евхаристии, и называет ее «врачевством бессмертия». Истинное Тело и Кровь воскресшего из мертвых Иисуса Христа, принимаемые нами на литургии, есть лекарство, соединяющее нашу смертную природу с бессмертным Господом. Причащаться нужно часто. Но особенно важно принять бессмертную пищу перед смертью. Илья-пророк после победы над жрецами Ваала был столь утомлен душой, что просил себе смерти. Когда он уснул под кустом можжевельника, Ангел коснулся его и приказал есть и пить. Пророк съел предложенную лепешку и выпил воду. Явление Ангела повторилось, и опять пророк ел и пил. А затем он получил повеление идти на встречу с Господом к горе Хорив и шел, не останавливаясь, сорок (!) дней и ночей (см.: з Цар 19,4-9).

Нам тоже предстоит дальнейшее путешествие к Престолу Божию. Нам тоже нужно будет питаться особенной пищей ради этого путешествия — Телом и Кровью Господа.

* * *

Она — не стена, смерть. Она — двери. Вернее, двери — это Христос, сказавший: *кто войдет Мною, тот спасется, и войдет, и выйдет, и пажить найдет* (Ин ю, 9). Христос умер за наши грехи и воскрес для нашего оправдания. Теперь, благодаря Его искупительной смерти, в Нем и через Него мы, воротами смерти, войдем в иную жизнь. Войдем, выйдем там на широту и свободу и, как овцы Христовы, найдем тучное пастбище.

Вот только всерьез думать об этом надо в течение всей жизни, а не в самом конце, как двоечник перед экзаменом.